

«РОССИЯ ВЫЖИЛА ЗА СЧЕТ НЕДР» ПОЛЕЗНЫЕ ИСКОПАЕМЫЕ ПОМОГЛИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ ПЕРЕЖИТЬ ЭТАП СТАНОВЛЕНИЯ. О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ГОРНОРУДНОЙ ОТРАСЛИ КОРРЕСПОНДЕНТУ ВГ АЛЕКСЕЮ ИВАНОВУ РАССКАЗАЛ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ ПО ПРИРОДНЫМ РЕСУРСАМ И ОХРАНЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ, ЭКС-МИНИСТР ГЕОЛОГИИ РФ ВИКТОР ОРЛОВ.

ВИКТОР ОРЛОВ,
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА
СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ
ПО ПРИРОДНЫМ
РЕСУРСАМ И ОХРАНЕ
ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

BUSINESS GUIDE: Если сравнивать золотодобывающую отрасль советского периода и нынешнего, то как бы вы охарактеризовали сегодняшнюю ситуацию: развитие или стагнация?

ВИКТОР ОРЛОВ: За последние 15 лет главным образом осваиваются рудные месторождения, которые составляют основную часть запасов советского времени. Этот процесс будет продолжаться, впереди такие крупнейшие объекты, как Наталка, Сухой Лог и другие. Сырьевая база россыпей истощается, запасов по категории С2 (наименьшая степень достоверности запасов) практически нет, есть только прогнозные ресурсы.

В будущем на 80% добыча в России будет осуществляться за счет рудного золота. Она более трудоемкая, но более технологичная. Постоянное развитие способов обработки, обогащения и т. п. делает освоение рудных месторождений более выгодным. Кроме того, этот способ добычи затрагивает все сферы золотодобычи: от научных разработок и до систем обогащения и аффинажа. Это положительно скажется и на горнодобывающей промышленности, и на экономике страны в целом.

Во-вторых, по сравнению с советским периодом мы значительно повысили производительность труда при добыче золота. Если раньше на одного работающего в отрасли приходилось чуть больше килограмма в год, то сегодня это порядка 5 кг. На отдельных объектах эта цифра составляет 10–12 кг на одного работающего. Стали применяться высокопроизводительные способы обогащения: внедряется кучное выщелачивание — то, чего раньше не было у нас в принципе.

И третье. В связи с развитием технологий извлечения руд с низким содержанием золота изменилось представление об объемах месторождений. Мы традиционно отработывали месторождения с содержанием золота выше 10 грамм на тонну, которые считались пределом рентабельности. Во всем мире такие руды считались богатыми уже 20–30 лет назад. Если посмотреть на все крупнейшие золотые месторождения мира, то окажется, что самые богатые по-прежнему в России, однако сейчас у нас руды с содержанием 10 грамм относятся к разряду богатых. То есть мы только подходим к тем «рядовым рудам», на которых мировая добыча работает уже давно. Все эти изменения произошли за последние 15 лет. То есть налицо достаточно серьезный прогресс.

Объемы добываемого золота сейчас упали по сравнению с советским периодом. Но это понятно, поскольку россыпи истощаются, а взамен им приходит более технологичное производство. Кроме того, государство за эти годы практически ушло от золотодобычи и сегодня не дотирует ни одно предприятие. И еще один момент: в отличие от

других российских сырьевых отраслей в золотодобыче отсутствует монополия. У нас одно крупное предприятие добывает под 34 тонны, а другие — около 500 предприятий добывают от 20–30 килограммов до 4–8 тонн. То есть в отрасли существует реальная конкурентная среда.

ВГ: На ваш взгляд, насколько эффективно ведется разведка новых месторождений? Нет ли опасности, что отрасль через 5–10 лет столкнется с отсутствием разведанных запасов?

В. О.: Такая опасность была еще пять лет назад, но сейчас она миновала. Резко увеличились объемы инвестиций в геологоразведку. Прирост запасов в последние три года превышает добычу. Кроме того, переворот в сознании инвесторов, который произошел за последние годы, дает гарантию, что мы будем вовлекать в разведку и прирост запасов совершенно нетрадиционные объекты, которые раньше не замечали.

ВГ: Какова ваша оценка перспектив золотодобычи в России на ближайшее десятилетие?

В. О.: Я думаю, что Китай, который по добыче вышел на первое место в мире после ЮАР, нам, конечно, не догнать. Но мы в добыче за 200 тонн перешагнем. Сегодня в России добывается 163–167 тонн. Я думаю, что уровень 200–220 тонн мы должны держать как минимум три–пять десятилетий.

ВГ: Какие российские регионы будут наиболее перспективными?

В. О.: Если говорить о традиционных регионах, то это будет Восточная Сибирь, Иркутская область, юг и восток Якутии, а также северо-запад Магаданской области, Хабаровский край и Амурская область. Из новых регионов необходимо особо отметить Камчатку. Регион долго был законсервирован, соответственно, недостаточно развивались и геологоразведочные работы. Хотя для камчатских руд характерно высокое содержание золота. Например, на действующем Агинском руднике этот показатель — около 38 грамм золота на тонну.

ВГ: Будет ли происходить консолидация золотопромышленных активов?

В. О.: Консолидация уже идет. Было 600 с лишним предприятий в 2002 году, сейчас уже около 500. То есть более 100 предприятий либо были поглощены, либо самоликвидировались. Переход на крупнообъемные месторождения приведет к тому, что появится сектор крупных компаний, который будет добывать порядка 60–80% всего золота, но мелкие тоже останутся.

Малыми предприятиями в золотодобыче можно назвать компании со средней численностью до 50 человек и оборотом до 100 млн руб. в год. Без малого бизнеса в золотодобыче государству невозможно рационально распорядиться сырьевой базой. Крупный бизнес на мелкие месторождения не пойдет. Развитие малого бизнеса в золотодобыче — это одна из государственных проблем. Этот вопрос мы недавно обсуждали на совместном заседании двух профильных комитетов Совета Федерации и Государственной думы. Государство не дает никаких преференций малому горному бизнесу, но он жив, живет и будет развиваться.

ВГ: Как вы смотрите на возможность участия государства в отрасли по примеру нефтедобычи, газодобычи?

В. О.: Форма участия государства была выработана за последние годы. Это участие в создании транспортной и энергетической инфраструктуры. Она сейчас внедряется во всей горнорудной отрасли, особенно в восточных регионах страны — там, где ведется основная золотодобыча. Сейчас разрабатываются проекты в Магаданской области, республике Саха, Яно-Колымской зоне, где прогнозируются 5 тыс. тонн металла на как минимум десяти месторождениях. Здесь развитие энергетики и транспортного сообщения будет осуществляться за счет государственных средств. То же самое нужно делать и на Камчатке.

ВГ: Нужно ли при продаже лицензий отдавать какие-либо законодательные преимущества российским компаниям, отсеивая иностранные, или же нужно руководствоваться исключительно экономическими принципами?

В. О.: Сейчас у нас иностранными компаниями добывается не более 15% золота, но ничего страшного не произойдет, если они будут добывать, скажем, 50%. Золото — это обычный товар. Он бы являлся стратегическим, если бы государство формировало золотовалютные резервы исключительно металлом. В то же время крупные объекты, которые значительно влияют на экономику регионов, безусловно, должны быть под российским контролем.

ВГ: Как обстоит ситуация с кадрами в отрасли?

В. О.: Чрезвычайно острый вопрос на сегодняшний день. Дефицит кадров наблюдается по всей цепочке. Особенно некому работать «на горе», то есть на карьере, в шахте или в штольне. Профессия горного инженера, горного техника стала очень дефицитной, хотя вузы как выпускали, так и продолжают выпускать специалистов. Беда в том, что горный инженер-геолог, инженер-горняк, рабочий начинают соответствовать диплому через пять–десять лет работы. Я сам проходил всю эту школу, от рабочего до техника, потом — горного инженера, и знаю, что это такое. Я только к пятому полемовому сезону стал настоящим инженером, хотя с отличием закончил университет.

В то же время у нас уже достаточно много иностранных специалистов работает в геологии и горном деле, и в этой кадровой конкуренции мы проигрываем в незнании или слабой подготовленности к использованию импортной техники и технологий. Эта работа требует соответствующей стажировки за рубежом, которую могут себе позволить только крупные компании.

ВГ: Есть мнение, что российский закон «О недрах» устарел. Сейчас в стадии подготовки находится ряд законов, касающихся недропользования. Считаете ли вы необходимым создать некий «Кодекс о недрах», который объединил бы всю законодательную базу, касающуюся недропользования?

В. О.: Я был всегда сторонником единого Горного кодекса. И в этом своде законов нашлось бы место всем законам: и о нефти, и о газе, и закону о месторождениях шельфа, и закону о сырьевой безопасности. Надо построить этот кодекс по типу нашего Налогового кодекса. Первая часть — теоретическая, сводная, понятийный аппарат, вторая часть — прикладная. Для стран СНГ мы сделали что-то подобное еще семь лет назад. Этот кодекс можно взять в качестве примера и доработать под российскую экономику. Поэтому будущее, без всякого сомнения, за таким кодексом.

Ныне действующий закон худо-бедно работает и постоянно поправляется. Но я бы сказал, что за последние восемь–девять лет он скорее ухудшен значительно. Ряд изменений, который был в него внесен, больно ударил по геологии, по сырьевой базе, по разработчикам. Считаю, что большой потерей была отмена ставок на воспроизводство минерально-сырьевой базы. Также большой потерей была замена платежей за пользование недрами, которые были гибкими, налогом на добычу полезных ископаемых. Платежи варьировались от 6 до 26%, и государство могло прояслять гибкость в налогах в зависимости от конкретной ситуации. А налог на добычу, который применяется сегодня, — это для всех одинаковый тариф, будь то на Севере, на Юге, под землей, на поверхности и т. д. Это совершенно негибкий подход, приводящий к выборочной отработке недр.

Второе упущение в законодательстве — полное отлучение субъектов федерации от изучения и освоения недр. Когда принимали данное решение, говорили, что губернаторы, эти «местные князья», раздают недра как захотят. В действительности ни один объект они не имели права отдавать без ведома федерального центра, поскольку дейст-

вовал «принцип двух ключей». При этом раньше субъекты федерации, имея полномочия, вкладывали в геологическое изучение недр столько же собственных средств, сколько и федеральный центр. Теперь пытаемся подтянуть финансирование целиком из федерального бюджета, но центральные власти интересуют только крупные объекты. А сырьевая база и добыча будут прирастать за счет средних и мелких месторождений. Но это сфера малого горного бизнеса, который более интересен регионам.

ВГ: Необходимо ли снизить ставку НДС для тех компаний, которые работают на трудных месторождениях?

В. О.: НДС однозначно надо убирать со всех россыпей, потому что богатых россыпей нет. И, безусловно, дифференцировать его в зависимости от природных условий.

ВГ: Насколько корректно выделяются лицензии на разработку золоторудных месторождений?

В. О.: Введенный переход от конкурсов на полностью аукционную систему сказался на золотодобыче негативно. Схема, которую мы закладывали в закон о недрах, предполагала сочетание конкурсов и аукционов. Предлагалась очень простая система: конкурсное начало, аукционное окончание. На конкурсе выбираются лучшие предложения в технологическом плане и в экономическом, то есть дватри претендента, которые устраивают государство по своим технологиям, опыту работы, со своими обязательствами перед государством. За этим должен был следовать аукцион, победителем которого становится тот, кто больше заплатит за месторождение.

К сожалению, сегодня на аукционах разыграно множество лицензий на месторождения, которые никто и не планирует осваивать. Для покупателя это была чисто финансовая инвестиция.

ВГ: То есть стимулировалась спекуляция лицензиями?

В. О.: Конечно, это была чистая спекуляция. Типичная ситуация: выигрывал тот, кому было некуда деньги деть. Но время уходит, такой покупатель как не умел добывать, так и не научился, а потом начинает обивать пороги Министерства природных ресурсов РФ и Роснедр о продлении лицензии. Спустя четыре–пять лет государство набирается смелости и отбирает лицензию, выставляет на новый аукцион. Потом приходит следующий покупатель и только полтора–два года собирает документы и согласования. Итого семь–восемь лет государство потеряло. Вот что такое аукцион. Конкурс предполагает совершенно другой подход, с конкретными обязательствами. На конкурсе можно проверить претендента не только по учредительным документам, но и по наличию у него опыта, технологий, кадров или договоров с реальными, а не виртуальными подрядчиками.

ВГ: Сейчас необычайно популярна тема экологии. Могут ли золотодобыча и переработка руды быть экологически чистыми?

В. О.: Несомненно. Все зависит от того, какая технология применяется. Сегодня мир добывает огромное количество золота — в прошлом году было добыто почти 2,5 тыс. тонн. На сегодняшний день во многих странах, в том числе в таких цивилизованных, как США и Канада, существуют технологии, которые позволяют при жесточайшем экологическом законодательстве вести добычу. Я полагаю, что и у нас схожая ситуация. Все зависит от технологии, умения и от профессионализма людей.

ВГ: После распада СССР какая из бывших республик сумела наиболее эффективно распорядиться недрами?

В. О.: Мне кажется, Казахстан и Россия. Все-таки Россия в эпоху 90-х годов выжила за счет своих недр. Когда-нибудь поставят памятник недрам России, без них мы бы кончились как страна. Государство устояло только за счет недр — нефти, газа, золота, алмазов. То есть за счет геологии и горной промышленности. Только деньги, заработанные ими, спасли тогда Россию. ■

ЕСЛИ РАНЬШЕ НА ОДНОГО РАБОТАЮЩЕГО В ОТРАСЛИ ПРИХОДИЛОСЬ ЧУТЬ БОЛЬШЕ КИЛОГРАММА ЗОЛОТА В ГОД, ТО СЕГОДНЯ ЭТО ПОРЯДКА 5 КГ, А НА ОТДЕЛЬНЫХ ОБЪЕКТАХ — 10–12 КГ НА ОДНОГО РАБОТНИКА